

© 1998 г. Н.В. ПЕРЦОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИНВАРИАНТА ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. II.

(Императив в русском языке)

Настоящая работа примыкает к статье [Перцов 1998], в которой были предложены формулировки инвариантов русских глагольных временных граммем и заданы экспликации их частных значений, выявляющие связи этих значений с инвариантом. Здесь мы намереваемся выполнить аналогичную задачу в отношении другой глагольной граммемы русского языка – граммемы императива. Общая теоретическая основа данной работы остается, разумеется, той же, что была изложена в первом разделе статьи [Перцов 1998]. Мы сохраняем здесь также оформление подачи частных значений граммем, складывающееся из следующих компонентов: 1) заголовка – краткой характеристики данного значения, 2) иллюстративного языкового материала, 3) экспликации – формулировки значения наподобие толкований в современной литературе по семантике¹ – и 4) комментариев.

Мы рассматриваем только собственно императивные синтетические формы, т.е. формы повелительного наклонения 2 л. ед. и мн. числа – *пой(те), спой(те)*, – оставляя за пределами нашего внимания разнообразные случаи, нередко подводимые в грамматиках и исследованиях под рубрику повелительного наклонения: формы так называемого повелительного наклонения совместного действия – типа *споем(те)(-ка)!, будем петь, давай(те) споем, давай(те) (будем/те) петь*; формы самопобуждения – типа *спою-ка, дай(те) спою*; аналитические способы выражения побуждения, обращенного к 3 л. – типа *пусть (пускай) поет / споет / поют / споют*, и т.п.² Автор склоняется к трактовке указанных выражений скорее как случаев несобственного употребления языковых единиц (форм индикатива, синтаксических конструкций) для выражения побуждения (т.е. как случаев "транспозиции" тех или иных единиц в семантическую область императива), нежели как носителей грамматического значения императива.

В дальнейшем изложении для указания того положения дел, которое выражается глагольной формой, используется слово "факт", охватывающее все типы глагольных предикатов – действия, события, процессы, состояния, свойства ... Именно такой терминологический выбор сделан Р.О. Якобсоном в работе [Якобсон 1972] (где говорится о "сообщаемом факте" и "факте сообщения"); в книге [Comrie 1985] предпочтение отдано слову "ситуация". Выбор автора настоящей работы продиктован исключительно его личным вкусом. Факт, выраженный глагольной формой V, обозначается ниже через "V".

¹ Как и в работе [Перцов 1998], говоря о формулировках инварианта и частных непрямых значений граммемы (в данной работе – императива), мы отказываемся здесь от термина "толкование", не желая создавать иллюзию наличия у нас формального семантического метаязыка. Наши экспликации – это не более чем сжатые семантические описания, явно задающие связь соответствующих частных значений граммемы с инвариантом.

² См. универсальную восьмичленную парадигму императива в [Храковский, Володин 1986: 24] и расширенную парадигму императива в русском языке в [ТФГ 1990: 198], а также обсуждение проблемы состава императивной парадигмы в русском языке в [ТФГ 1990: 189 и сл.].

Предлагается следующая экспликация инварианта русского императива в его прямом аппелятивном употреблении:

- $V_{\text{imper}} =$ (1) говорящий сигнализирует о своем волеизъявлении относительно реализации адресатом факта "V";
(2) говорящий или адресат хочет реализации факта "V".

КОМПОНЕНТ 'СИГНАЛИЗАЦИЯ'

Императив в его аппелятивном употреблении представляет собой специфическое речевое действие – особый иллокутивный акт волеизъявления – в сопоставлении с другими способами выражения последнего. Отношение между императивом и выражением волеизъявления посредством развернутого выражения с перформативным глаголом в индикативе 1 л. ед. числа (типа *Я прошу / предлагаю / советую / требую / разрешаю...*) сводится к противопоставлению 'сигнализации' и 'сообщения', восходящему к *Ausdrucksfunktion* (экспрессивной функции) и *Darstellungsfunktion* (репрезентативной функции) К. Бюлера, как отмечается в [Iordanskaja, Mel'čuk 1995: 215]. В этой же работе указывается, что средства сигнализации – в отличие от средств сообщения – не допускают (или не склонны допускать – добавим мы) применения операции отрицания или постановки вопроса. В настоящей работе не только экспликация инварианта, но и все экспликации частных непрямых значений императива содержат компонент 'говорящий сигнализирует...'.

Компонент 'сигнализация' в экспликации инварианта императива отражает – как, думается, в большинстве случаев вхождения этого компонента в смысл языковых единиц – непосредственную психологическую связь между сознанием говорящего и сообщаемым фактом, выраженным глагольной формой, – так сказать, "малое (или нулевое) психологическое расстояние" между ними – по сравнению с разнообразными неимперативными способами выражения побуждения. Для обозначения указанной психологической связи непросто подобрать удачное выражение. Можно называть соответствующий аспект значения императива субъективностью (см. ниже) или модальностью; мы предпочитаем использовать для этой цели ярлыки "экспрессивность" или "эмоциональность".

Именно эта особенность императива составляет основную мысль статьи [Грабье 1983: 106], где она характеризуется следующим образом:

"(...) благодаря употреблению императива говорящий добивается большей экспрессивности сообщения. выражает свое субъективное, в частности, оценочное отношение к действию. В контекстах, в которых императив замещает другое наклонение, он всегда экспрессивнее, чем другие способы модального выражения" (подчеркнуто нами – Н.П.).

В. Грабье указывает, что такая точка зрения на инвариантное значение императива была высказана еще С.И. Карцевским в работе "Système du verbe russe" (Paris, 1927), где по поводу императива отмечалось "активное отношение говорящего к действию". Аналогичная точка зрения была выражена Р.О. Якобсоном [Якобсон 1985: 215 и сл.], который указывал на "волюнтаристический аспект действия", обозначенного императивной формой, и тоже ссылаясь на С.И. Карцевского (а также на Н.П. Некрасова).

В специально посвященной императиву книге [Храковский, Володин 1986: 227] выражен скепсис по отношению к характеристике императива как субъективного отношения говорящего к действию, данной в [Грабье 1983]; авторы этой книги не предлагают единого значения императива, охватывающего любые его употребления, как прямые, так и не прямые (можно предположить, что они вообще отрицают наличие такого общего значения). Возможно, расплывчатый термин "субъективный" дает основание для подобного скепсиса, однако нам представляется, что все же соответствующ-

щее понятие верно ориентировано в направлении психологической природы императива как носителя тесного "контакта" между сознанием говорящего и побуждением – с большим эмоционально-экспрессивным потенциалом, чем другие глагольные формы. Поэтому, отказываясь от термина "субъективный" при характеристике инварианта императива, мы удерживаем в нашей формулировке инварианта суть соответствующего понятия – посредством компонента 'сигнализация', который, как было сказано выше, предполагает экспрессивность.

Итак, из упомянутых взглядов на императив Карцевского, Якобсона и Грабье вытекает сведение инварианта императива к "субъективному отношению говорящего к действию" [Грабье 1983: 111]. Аналогичное решение принято в относительно недавнем исследовании [Шаронов 1991: 7], где весь разнообразный спектр употребления императивных форм объединен "экспрессивно-модальным отношением говорящего к действию". Нам представляется подобное исключение из инварианта императива основной его интерпретации – побуждения – его неоправданным обеднением – при том что компонент "субъективности", т.е. эмоционально-экспрессивной насыщенности, мы признаем существенной составной частью этого инварианта. Этот компонент, входящий в наш инвариант в 'сигнализацию', обнаруживается во всех упоминаемых ниже не прямых интерпретациях императива; в частности, он проявляется в том, что при помещении соответствующих высказываний с императивными формами в позицию дополнительного придаточного предложения при глаголе речи соответствующую императивную форму необходимо или более естественно трансформировать в форму другого наклонения, например: *Сделай Иван это раньше, не возникло бы никакого недоразумения* → *Петр сказал, что если бы Иван сделал это раньше, ...; А он вчера мне это и скажи* → *Я сообщил, что он мне вчера неожиданно сказал это*. Тем самым, во всех экспликациях частных интерпретаций императива требуется введение 'говорящего' [Шаронов 1991].

Если это так, то, вообще говоря, можно было бы удовлетвориться более компактной формулировкой инварианта императива – "экспрессивностью", – которая одна способна охватить все частные значения последнего. Думается что инвариант императива имеет более сложное строение, равно как и его соотносительность с частными интерпретациями. Нам не хотелось бы отказываться от компонента 'волеизъявление' в экспликации инварианта императива: слишком существен этот компонент в качестве основной характеристики данной граммы. Как мы попытаемся показать далее – при разборе конкретных не прямых употреблений императива, – не только смысл 'экспрессивность', свойственный всем употреблением, но и другие смыслы, входящие в предложенный выше инвариант императива или так или иначе сопряженные с ним, по-разному проявляются в этих употреблениях – "так или иначе пробивают себе дорогу" (по выражению А.В. Бондарко [Бондарко 1978: 158] в связи с несобственным употреблением других грамматических форм – форм времени).

КОМПОНЕНТ 'ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ'

В формулировках семантики императива в качестве способа обозначения его ядерного смысла нередко выступают слова "побуждение" и "побуждать"; иногда "волеизъявление" и "побуждение" используются равноправно в рамках одного и того же семантического описания императива. Для обоснования нашего выбора в пользу "волеизъявления" проанализируем "императивную ситуацию" (термин А.В. Бондарко – [ТФГ 1990: 80 и сл.]). Говорящий, употребляя императивную форму в императивной ситуации, манифестирует состояние своего сознания по отношению к некоторому факту, который может или должен реализовать адресат после текущего высказывания. Для большинства иллокутивных функций императива в апеллятивном употреблении – приказа, требования, просьбы и др. [Храковский, Володин 1986: 136 и сл.; Падучева 1996: 75 и сл.] – можно утверждать, что говорящий хочет реализации факта, однако в общем случае это не верно: в ситуации разрешения, выражаемого

императивной формой *V* (например: *Можно мне взять эту книгу? – Бери!*), реализации факта "V" хочет именно адресат, а говорящему может быть совершенно безразлично, будет этот факт реализован или нет. Компонент (2) в инварианте отражает то обстоятельство, что желание реализации факта может быть у любого из участников речевого акта.

Между тем, в соответствии с языковым чутьем автора, русский глагол *побуждать* и его субстантивный дериват *побуждение* предполагают каузацию желания совершить нечто именно у адресата, что не всегда случается в ситуации употребления императивных форм. У слова *волеизъявление* нет подобной привязки желания непременно к адресату.

Предпочтя в формулировке инварианта 'волеизъявление' 'побуждению', мы в дальнейшем изложении не отказываемся от употребления слов "побуждение" / "побуждать": они удобны и в силу более выразительной направленности на императивную ситуацию, и в силу краткости, и в силу большей употребительности и привычности в описаниях императива, и в силу естественного, словарно обусловленного, присоединения актантов адресата и содержания (*побуждение X-а к P, побуждать X-а к P / (с)делать P*), наконец, в силу наличия адъективного деривата "побудительный". Тем самым, в рамках данной работы мы придаем слову "побуждение" смысл 'волеизъявление относительно реализации адресатом некоторого факта', лишая "побуждение" указанной выше импликации желания адресата, свойственной обыденному языковому употреблению этого слова³.

КОМПОНЕНТ 'РЕАЛИЗАЦИЯ ФАКТА'

За внешне неуклюжим компонентом 'реализация адресатом факта "V"' (не обязательно 'действия') стоит то обстоятельство, что побуждение, выражаемое формой императива, не обязано относиться к действию, ср. императивы *спи, сиди, лежи*, в которых мы имеем названия состояний, а не действий.

РАЗЛИЧИЕ ИМПЕРАТИВНОГО И НЕИМПЕРАТИВНЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Сравним следующие два ряда выражений:

(1) *Затопи печь!* vs.

(2) (а) *Прошу тебя затопить печь* <Требую, чтобы ты затопил печь>; (б) *Затопил бы ты печь!*; (в) *Затопишь печь!*; (г) *Затопить печь!*; (д) *Пусть Игорь затопит печь!*; (е) *Затоплю-ка печь* <Затопим-ка печь>; (ж) *Не затопишь ли ты печь?*⁴

В (1) говорящий устанавливает непосредственную – "интимную" – связь между собой и волеизъявлением; выражающая его глагольная форма изначально, по своей природе, предназначена именно для этой функции. В серии (2) волеизъявление выражается несобственным образом: соответствующие глагольные формы не имеют такого специального назначения. (При этом, подобно императиву, во всех случаях

³ Отметим, что нередко в формулировках значения императива желание реализации факта жестко приписывается говорящему, а возможность альтернативного желания адресата не упоминается. Ср. толкование императива, предложенное А. Вежицкой, которая вводит компонент 'Я говорю, что я хочу, чтобы ты сделал это' [Вежицкая 1985: 256; Wierzbicka 1991: 205], или описание императива у Ю.Д. Апресяна, который сводит семантику императивных форм глаголов действия "к самой общей идее побуждения, т.е. к выражению желания, чтобы адресат сделал P, и попытке каузировать адресата сделать P" [Апресян 1995: 149].

⁴ Обзор некоторых косвенных способов выражения побуждения (в основном – посредством внешне вопросительных предложений) дан в [Булыгина, Шмелев 1997: ч. III, гл. 4].

серии (2), кроме (2а), по-видимому, тоже имеет место сигнализация, а не сообщение.) В случае (е), где глагольные формы предстают тоже как специальные носители именно функции волеизъявления, последняя привносится знаком *-ка*⁵, за вычетом которого формы *затоплю*, *затопим* не имеют специальной функции волеизъявления.

А.В. Бондарко в [ТФГ 1990: 87] характеризует аналогичное противопоставление как противопоставление категориального (прямого) и некатегориального (косвенного) типа императивности; в первый тип включаются, помимо собственно императива, все случаи, в которых "императивная семантика выступает как категориальное значение особых форм (морфологических и синтаксических)", например, императивные инфинитивы типа *Молчать!* (т.е. способ (2г)). Однако императивная функция не является для инфинитива главной, специальной, поэтому нам представляется более четким противопоставление собственно императивных и прочих способов выражения побуждения.

Из большей связи – в случае императива – сознания говорящего и побуждения, из большей субъективности и эмоциональной насыщенности императива в сопоставлении с другими способами выражения побуждения не следует делать вывод о непременно более категоричном характере собственно императивного побуждения. В серии (2) побуждение в случаях (в) и (г) представляется более сильным и настойчивым, чем в собственно императивном случае (1): в (г) оно просто ультимативно и безапелляционно (категорическое приказание, своего рода окрик), а в (в), по характеристике А.В. Бондарко [1978: 107–108], "категориальное волеизъявление выражено сильнее, так как выражается не только побуждение к действию, но и уверенное его представление как реального факта в будущем"⁶ (данный смысловой компонент привносится именно благодаря собственному – прямому – значению формы будущего простого совершенного вида).

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНВАРИАНТА

Рассмотрим те связанные с инвариантом смыслы, которые релевантны в аспекте установления связей между частными значениями императива и инвариантом. Прежде всего, это непосредственно входящий в инвариант компонент '**волеизъявление**' ('побуждение') и компонент '**хотеть**' / '**желание**' ('говорящий или адресат хочет реализации факта').

Далее, как уже упоминалось выше, из входящего в инвариант компонента '**сигнализация**' вытекает смысл, отражающий тесную психологическую связь между сознанием говорящего и фактом, к реализации которого он побуждает адресата. Для обозначения этого смысла мы используем ярлыки '**экспрессивность**' или '**эмоциональность**' (сознвая их условность).

Напомним, что, хотя один смысл '**экспрессивность**' достаточен для скрепления всех частных интерпретаций императива, подобный способ скрепления выглядит слишком тривиальным. Поэтому мы обращаемся к двум другим смыслам, которые, как нам представляется, "сопряжены" с инвариантом императива приблизительно так же, как коннотации сопряжены с лексическими значениями (в русском языке со значением 'осел' сопряжена коннотация 'глупость и упрямство', со значением 'ворон' – коннотация 'мрачность', и т.п.). Это смыслы '**должен**' ('**долженствование**') и '**условие**', которые мы назовем коннотациями инварианта императива.

Включение смысла '**долженствование**' в коннотации императива связано с тем, что, хотя этот смысл и не вытекает со строгой необходимостью из смысла '**побуждение**' (если X побуждает Y – а к Z – у, из этого не следует, что Y должен делать Z), все же

⁵ О его скорее аффиксальном – а не лексическом – статусе см. [Перцов 1996].

⁶ В концовке данной цитаты нам представляются слишком категоричными прилагательные "уверенное" и "реального".

соответствующая модальность высоко вероятно при выражении побуждения – ср. близкий к модальности долженствования смысл прогноза будущего действия адресата – ‘Я думаю, что ты сделаешь это...’ – в одном из пунктов толкования А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991: 256].

Что касается смысла ‘условие’, его трактовка как коннотации ‘побуждения’ связана со следующим рассуждением. Допустим, мы имеем импликацию “ $Q \rightarrow P$ ”; тогда Q естественно назвать условием (для) P . Стандартным способом передачи этой импликации является сложноподчиненное предложение условия: *Если Q , то P* . Однако можно продемонстрировать адресату сообщения действенность этой импликации, прибегнув к нестандартному способу, – предложить ему выполнить условие Q , чтобы убедиться в последующей реализации P . Вместо условных предложений типа:

Если ты придешь вовремя, мы все успеем сделать.

Если ты дотронешься до сундука, я закричу.

мы можем прибегнуть к императиву, выражающему не столько побуждение, сколько условие:

Приди (ты) вовремя, (и) мы все успеем сделать.

Дотронься (ты) до сундука, (и) я закричу.

Итак, в ситуации импликации “ $Q \rightarrow P$ ” для подачи факта P можно предварить его подачей воздействующего на него факта Q , обеспечить его реализацию. Для этого и служит побудительная сила императива: говорящий как бы побуждает адресата совершить Q в целях выполнения условия для P , и P в этом случае выделен ярче, чем в случае стандартных способов выражения условного или уступительного значения (в силу большей экспрессивной силы императива).

В [ТФГ 1990: 84] (автор раздела – А.В. Бондарко) в подобных случаях употребления императива справедливо усматривается “частичное устранение признака “волеизъявление”:

“Говорящий (пишущий) по существу не просит и не требует, чтобы что-то в действительности было сделано. Волеизъявление оказывается не реальным, а всего лишь фигуральным. В связи с этим императивность выступает в условном варианте, она становится фигуральным способом представления условия в ситуации “условие – следствие”: ‘Попробуйте, сделайте это – и если вы это сделаете, то получите следующий результат’”.

Коннотация ‘условие’ ‘наводится’ и в тех случаях, когда субъект при форме императива в придаточном предложении выражен не местоимением второго лица, а другими способами:

Скажи твои друзья мне об этом раньше, недоразумения не было бы.

В интерпретации подобных употреблений императива в придаточных предложениях условия мы расходимся с точкой зрения некоторых исследователей (среди прочих назовем В.С. Храковского и А.П. Володина [Храковский, Володин 1986: 226 и сл.], А.В. Бондарко [ТФГ 1990: 84], Г.Г. Сильниченко [ТФГ 1990: 98]), в соответствии с которой значение императива здесь полностью исчезает, а соответствующие формы совпадают лишь внешне с формами императива, т.е. имеет место грамматическая омонимия⁷. Сопоставим следующие два высказывания:

⁷ Примечательно, что при этом “следы” императивности в подобных употреблениях все же отмечаются. ср. у Г.Г. Сильниченко: “(…) данная форма имплицитно определяет заинтересованность субъекта речи в реализации / нереализации действия придаточного условного” [ТФГ 1990: 98]. “Заинтересованность” можно соотнести с компонентом ‘экспрессивность’ в нашем инварианте императива.

- (а) *Выиграй (ты) матч, и все трудности разрешились бы;*
(б) *Выиграй он матч, все трудности разрешились бы.*

В обоих случаях императив выражает не столько побуждение, сколько условие, однако, как отмечает А.В. Бондарко в упомянутой работе, в случаях типа (а) значение императива исчезает не полностью, а в случаях типа (б) оно менее явно – и подобным употреблением Бондарко в императивности полностью отказывает. Мы полагаем, что столь резкой границы между случаями типа (а) и типа (б) нет: в (б) отношение "условие–следствие" подано – подобно случаю (а) – как связь между побуждением, обращенным к 3 л., и некоторым следствием из выполнения этого побуждения: выполнение побуждения создает предпосылки для реализации следствия. В придаточном предложении примера (б) – *Выиграй он матч, ...* – говорящий условно побуждает некоторое лицо выполнить соответствующее действие – выиграть матч, – после чего адресат высказывания сможет убедиться в реализации факта, выраженного в главном предложении, – в разрешении всех трудностей.

Более сложный случай представляют условно-императивные придаточные, в которых субъект при императиве не обладает способностью к целесообразной деятельности: *Начнись дожди хотя бы на неделю раньше, с лесными пожарами удалось бы справиться быстрее* (пример Ю.Д. Апресяна). Здесь ситуация в придаточном предложении еще более удалена от собственного значения императивности. Однако подобно тому, как в случаях типа *Зеленейте, нивы!* мы свободно усматриваем персонификацию субъекта при императиве и не станем подвергать сомнению наличие компонента 'побуждение' в такого рода обращениях к неживым объектам⁸, в приведенной фразе, относящейся к дождям и лесным пожарам, как нам кажется, неявно представлено "условное обращение" к дождям – побуждение начаться раньше: выполнение этого побуждения позволяет убедиться в реализации более быстрой победы над лесными пожарами.

Проведенное эвристическое рассуждение подтверждается также тем, что императив и вне контекста сложноподчиненного предложения, а именно – в контексте сочинения–паратаксиса, – может выражать условие, например:

Начни делать ежедневно этот комплекс упражнений – и боль как рукой снимет.

В этом примере побудительную силу императива вряд ли можно подвергать сомнению, однако здесь все же более существенно не столько побуждение, обращенное к адресату, сколько констатация некоторого условия для реализации факта, выраженного во втором члене паратаксиса. Подобное паратактическое выражение условного отношения с императивом отнюдь не является идиосинкратическим свойством русского языка, оно наблюдается, например, в английском, ср. примеры из [Haiman 1985: 44–45]:

Touch that chest, and I'll scream.

‘Дотронься до этого сундука, и я закричу’.

Smile, and the world smiles with you.

‘Улыбайся, и мир будет улыбаться вместе с тобой’.

Данному паратаксису условия родствен случай (И1) ниже – "возмездие за совершение действия"⁹.

⁸ Ср. [РГ1 1980: 623], где отмечается, что императивные формы "могут выражать побуждение, адресованное не лицу, а предмету; такое обращение характерно для поэтической речи".

⁹ Укажем, что в [Haiman 1985: 39 ff.] на материале разных языков демонстрируется способность паратактических конструкций выражать отношения условия, причем не обязательно с использованием в первом члене паратаксиса именно императива. Данная функция паратаксиса типологически весьма распространена.

Как было сказано ранее, все непрямые употребления императива объединены общим семантическим компонентом 'экспрессивность'. Однако для более убедительной демонстрации связи не прямых употреблений императива с инвариантом мы будем указывать и другие смысловые компоненты, общие у экспликации частной интерпретации императива и его инварианта, из набора следующих смыслов: 'побуждение', 'желание', 'долженствование' или 'условие'. Первые два содержатся в инварианте, последние два являются его коннотациями.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛИ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЕРАТИВА

Рассмотрим вопрос об обусловленности интерпретации императивной формы в синтаксическом или лексическом аспекте, т.е. в условиях определенного синтаксического контекста или при соединении граммемы императива с определенным лексическим значением. Если перейти в область сугубо лексической фразеологии, то можно утверждать, что связи между лексическими значениями компонентов фраземы и ее общим значением может и не быть. Возьмем такие наудачу выбранные лексические фраземы, как *вить веревки [из кого]*, *вольный казак* или *расправлять крылья*; ясно, что установление связи между лексическими значениями их компонентов и общим значением фраземы представляет собой нелегкую – если вообще выполнимую – задачу. При поиске инварианта лексемы можно не учитывать факты ее вхождения во фраземы. Последнее утверждение можно назвать принципом фразеологической автономности инварианта (лексемы или другой языковой единицы).

Правомерно ли распространять принцип фразеологической автономности инварианта из сферы лексики на случаи синтаксической или лексической обусловленности интерпретации граммемы? Этот вопрос остается для автора открытым. Вообще говоря, принятие этого принципа облегчило бы и задачу поиска инварианта граммемы, и задачу демонстрации связи интерпретаций граммемы с инвариантом последней: в случаях обусловленности интерпретации граммемы синтаксическим контекстом или лексемой можно было бы удовлетвориться простой констатацией такой обусловленности и не стремиться найти связь с инвариантом. Тем не менее, для большинства не прямых синтаксически или лексически обусловленных интерпретаций императива удастся выявить связь с инвариантом (причем, нетривиальную, т.е. обеспечиваемую не только 'экспрессивностью').

Рассматриваемые ниже не прямые употребления императива по преимуществу можно трактовать как случаи синтаксических фразем, т.е. идиоматических синтаксических конструкций, в которых узлы помечены либо лексическими переменными, либо грамматическими (служебными) лексемами, по определению в [Mel'čuk 1995: 341]. Мы не будем относительно каждого частного значения императива решать вопрос о наличии / отсутствии в соответствующем случае синтаксической фраземы: для наших целей это не имеет существенного значения. (Отметим, впрочем, что пункты (И5) – (И7) ниже очевидным образом отвечают определению синтаксической фраземы.) Как и в работе [Перцов 1998], мы исходим из того, что в большинстве случаев вхождения граммемы в синтаксическую фразему ее инвариант не улетучивается (как это по преимуществу происходит с компонентами лексических фразем), а тем или иным образом сохраняется; поэтому мы и стремимся для синтаксических фразем выявлять следы инварианта граммемы императива.

Что же касается лексической обусловленности интерпретаций императива, в литературе уже отмечалось – [Апресян 1995: 149–151; Булыгина, Шмелев 1997: 188], – что некоторые лексемы обладают в форме императива нестандартными иллокутивными функциями; таковы стативные ментальные глаголы *знать*, *считать*, *думать*, *понимать*, *бояться*, *гордиться*, *стыдиться* и др. Трудно отрицать своеобразие интерпретации императивных форм этих глаголов, отраженное в толкованиях этих форм в

упоминаний выше двух работах; очевидно, что вклад грамматики императива в выражения *Знай / Думай / Пойми / Вспомни, что Р богаче стандартного побуждения, к которому сводятся императивы, скажем, в случаях типа Говори / Скажи, что Р (Если тебя будут обо мне спрашивать, ты всем говори, что я уехал)*. Однако верно ли, что от побуждения в выражениях с указанными ментальными императивами ничего не остается? – Такой вывод все же слишком категоричен; думается, что во фразах типа *Знай, что он тебя предал* – при том что акцентируется в них действительно каузация сообщения адресату новой для него информации – побуждение все же присутствует. Нам представляется, что для плана содержания фраз типа *Знай, что Р* (и для других ментальных императивов) выполняются пункты толкования А. Вежицкой [Wierzbicka 1991: 256]: '(а) я говорю: я хочу, чтобы ты знал, что Р; (б) я говорю это потому, что я хочу, чтобы ты знал, что Р; (с) я думаю: ты будешь знать, что Р, вследствие этого' (во всяком случае, выполнение первых двух пунктов нам очевидно). Если взять выражения с императивом *Думай, что Р*, то и для них, видимо, выполняются пункты толкования А. Вежицкой; например, в пушкинских строках из посвящения к "Полтаве" – *Узнай, по крайней мере, звуки, / Бывало, милье тебе – / И думай, что во дни разлуки, / В моей изменчивой судьбе, / Твоя печальная пустыня, / Последний звук твоих речей – / Одно сокровище, святыня, / Одна любовь души моей* – императив *думай* очевидным образом выражает побуждение¹⁰.

НЕПРЯМЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВА

Предлагаемый ниже обзор не прямых употреблений императива базируется преимущественно на главе XI – "Не прямые употребления императивных форм" – в книге [Храковский, Володин 1986: 226–246], представляющей собой наиболее полный и детальный источник сведений о семантике и поведении русского императива. Частично заимствуются отсюда характеристики употреблений императива и примеры; из не прямых употреблений рассматриваются только те, для которых соотношение с данной выше формулировкой инварианта императива не очевидно. В приводимых ниже экспликациях ключевые компоненты, обеспечивающие связь с инвариантом (т.е. содержащиеся в формулировке инварианта или среди его коннотаций), подчеркиваются.

(И1) В специфическом значении "возмездия за выполнение действия"¹¹, (императив – в сов. виде, часто с частицами *только, еще* или выражениями *у меня, мне*):

Только закричи – я тебя выгоню!

Скажите еще хоть слово – и они вас оставят без обеда.

Попадись мне только! Ты у меня пикни только!

Поговори мне еще!

'Говорящий сигнализирует о неприятности, которая постигнет адресата, если будет реализован факт F; говорящий как бы побуждает адресата к реализации факта F, чтобы тот мог убедиться в реальности угрозы'.

¹⁰ В [Апресян 1995: 150] употребление императива глагола *думать* ограничивается преимущественно фразами типа *Думай что хочешь (что угодно)*, которым дается такое толкование: 'можешь считать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты считаешь'. Отметим, что даже в этом толковании фразы побуждение все же дает рефлекс в виде пермиссивного компонента 'можешь' (разрешение – одна из альтернативных иллюкутивных функций побуждения). Языковое чутье автора этих строк вполне допускает и в современном языке употребление императива *думай*, аналогичные пушкинскому в приведенной цитате.

¹¹ Другие терминологические "ярлыки" для обозначения этого круга употреблений: "побуждение к запрещаемому", "обратное побуждение" [РГ1 1980: 623].

В подобных случаях императив используется в речевом акте угрозы [Булыгина, Шмелев 1997: 289–290]: явно указывается (как в первых двух примерах) или подразумевается (как в остальных) некоторое "наказание", которое последует в том случае, если осуществится факт, обозначенный императивной формой. Реально говорящий не желает осуществления этого факта, но подает свое нежелание таким образом, как если бы он действительно побуждал адресата к выполнению соответствующего действия. Акцент делается на угрозе адресату; в качестве условия исполнения угрозы выдвигается некоторое возможное действие адресата, обозначаемое императивной формой. Побуждение, интерпретируемое как условие некоторого факта, – одна из функций императива; это проявляется и в случае (Иб) ниже (императив благоприятного или неблагоприятного условия–обстоятельства).

Как видно из экспликации, связь с инвариантом обеспечивают компоненты 'побуждение' и 'условие' (союз *если* в экспликации).

(И2) С оптативным значением в конструкции с подлежащим 3 л. (форма императива – в сов. виде и ед. числе – предшествует субъекту):

Минуй нас, пуще всех печалей, / И барский гнев, и барская любовь! (Грибоедов)

Говорящий сигнализирует о том, что он хочет реализации факта F; говорящий представляет свое желание как побуждение, обращенное к субъекту при императиве'.

Связь с инвариантом осуществляется через коннотацию 'желание' и компонент 'побуждение'.

(И3) Со значением долженствования (императив – в ед. числе; субъект императива – не *ты* и не *вы*; обычно императив предшествует субъекту):

И дрожь и злость меня берет, / И шевелится эпиграмма / Во глубине моей души, / А мадригалы им пиши! (Пушкин)

Они выдумали этот кружок, а он мы проводи занятия.

Мы пойдем в горный поход. – Снаряжение, конечно, я доставай, не так ли?

– Посадили психа на нашу голову. Так хорошо было втроем – и вдруг... Возись с ним теперь! (Ильф и Петров).

Говорящий сигнализирует о том, что субъект императива должен реализовать факт F; говорящий отрицательно оценивает это'.

Действие, которое должен выполнить субъект императивной формы, – явно выраженный или подразумеваемый, – подается как обращенное к нему побуждение. Связь с инвариантом осуществляется через коннотацию 'долженствование'.

(И4) Со значением невозможности (при императиве отрицательная частица; субъект при императиве – 1 или 3 л.) [ТФГ 1990: 116]:

Я и слова ему не скажи (не говори).

Всех распугал: никто не подойди.

$X \text{ не } V_{\text{imper}} =$ 'Говорящий сигнализирует о том, что X не может реализовать факт "V"; говорящий представляет это как следствие обращенного к X побуждения "не V_{imper} "'.

Не исключено, что модальность возможности ('Х не может') следует заменить в этой экспликации на модальность долженствования ('Х не должен'): в этом случае, кроме 'побуждения', связь с инвариантом обеспечивает еще и коннотация долженствования.

- (И5) В конструкции с *хоть* для выражения значения потенциального следствия из реальной ситуации (императив – в несов. виде и ед. числе; субъект при форме императива отсутствует; императив следует после описания ситуации):

*Обстановка крайне обострилась – хоть **прекращай** игру.*

*Аж лампы / сквозь воздух, / как свечи, фитилятся, / хоть **вешай** / на воздух / топор (Маяковский).*

*Он отчет написал, а там хоть без премии **оставайся**.*

Говорящий сигнализирует о том, что ситуация Р [выраженная в первой предикатной части высказывания] такова, что можно реализовать факт F'.

Эта экспликация может быть переформулирована следующим образом:

Говорящий сигнализирует о том, что, если имеет место ситуация Р, то возможен F', или:

Говорящий сигнализирует о том, что ситуация Р является условием для возможности F'.

Из перифразы исходной экспликации явно видна коннотация 'условие', посредством которой обеспечивается в данном случае связь с инвариантом.

В [Храковский, Володин 1986: 241] утверждается, что реальная ситуация (в нашем первом примере – обострение обстановки) "оценивается говорящим как достигшая крайнего предела развития". Думается, это наиболее типичный случай интерпретации императивных форм в данной конструкции, однако возможны примеры, в которых не обнаруживается достижения крайнего предела развития: *Обстановка совершенно курортная – хоть **раздевайся и загорай**.*

В случае (И5) мы имеем дело с явной синтаксической фраземой: данная интерпретация императива неизбежно сопряжена с наличием частицы *хоть*, предшествующей императивной форме¹².

- (И6) В придаточной части сложноподчиненного предложения – для выражения условия или неблагоприятного обстоятельства (императив – в ед. числе – предшествует субъекту):

***Признай** он мою правоту, обстоятельства сложились бы по-другому.*

***Живи** еще хоть четверть века – / Все будет так. Исхода нет (Блок).*

Говорящий сигнализирует о том, что факт F [выраженный в придаточном предложении] является условием для ситуации Р [выраженной в главном предложении] или для не Р; в последнем случае несмотря на F ситуация Р все же реализуется'.

Императивная форма в придаточном предложении обозначает условие для реализации факта, выраженного в главном предложении (первый пример), или некоторое неблагоприятное обстоятельство для такой реализации, при этом все же ее не

¹² Экспликация данного частного значения императива, ее переформулировки и комментарии существенно опираются на предложения И.А. Мельчука, сделанные по поводу соответствующего фрагмента первоначальной версии настоящей работы.

отменяющее (второй пример). Иными словами, в данном случае мы имеем условное или уступительное отношение между сопоставляемыми фактами. Экспликацию можно переформулировать следующими приблизительными формулами: 'F имплицитно Р' – для условия; 'F преимущественно имплицитно не Р, при этом Р' – для неблагоприятного обстоятельства. Импликация присутствует в обоих случаях: устанавливается некая "квазилогическая" связь между фактами F и Р, причем F, синтаксически подчиненный Р, положительно или отрицательно воздействует на наличие или возможность Р.

Императивная форма в придаточном предложении может относиться как к прошлому, так и к будущему, т.е. может характеризоваться, как отмечается в [ТФГ 1990: 57], "подвижной темпоральной отнесенностью", а также относиться к плану абстрактного настоящего (настоящего обычности), как показывает пример из Достоевского, приведенный в указанной работе: ***Выскочи** русский человек чуть-чуть из казенной, узаконенной для него обычаям колеи – и он сейчас же не знает, что делать.*

Связь с инвариантом обеспечивается здесь наличием коннотации 'условие' в составе экспликации.

Как отмечалось выше при обсуждении коннотации инварианта 'условие', подобные конструкции могут трансформироваться в паратактические посредством введения сочинительного союза *и*: *Признай он мою правоту, и обстоятельства сложились бы по-другому.*

(И7) В придаточной части сложноподчиненного уступительного предложения (субъект при императиве отсутствует):

*Осел останется ослом, хоть **осып**ь его звездами (Державин).*

*Хоть истерику **закатывайте** – я не уступлю.*

*Как ни **старайся**, его ничем не проймешь.*

***Кричи** не **кричи** (Хоть **кричи**, хоть не **кричи**) – никто не поможет.*

'Говорящий сигнализирует о том, что факт F является благоприятным условием для не Р; при этом реализуется Р'.

Как отмечается в [Храковский, Володин 1986: 243], здесь также возможна аналогия в области паратаксиса: *Режь меня, жги меня; не скажу ничего (Пушкин).*

К данному кругу употреблений императива применимо то же рассуждение, что и в предыдущем случае (И6), где также возможно уступительное отношение (ср. вторую фразу в примерах (И6)). Неблагоприятное или безразличное обстоятельство, выраженное в синтаксически подчиненном члене этого отношения, подается как (квази)-побуждение.

Напомним, что случаи (И5) – (И7) оказываются очевидными представителями синтаксических фразем.

(И8) В явной или подразумеваемой противительной конструкции в форме сов. вида для выражения значения неожиданности (обычно нежелательного) факта в прошлом (императив – в сов. виде и ед. числе – следует после субъекта; обычно с наречием *вдруг* или частицей *и*):

Мы с ним неделю не разговаривали, а вчера он мне **вдруг скажи...*

*Подхожу я к Игорю, а он (возьми) и **ударь** меня по плечу.*

*Я бежать, а они и **вцепись** друг дружке в волосы.*

*А он и **попади** в эту самую минуту в лужу.*

'Говорящий сигнализирует о том, что факт F, предшествующий текущему мо-

менту, представлен как неожиданный на фоне некоторого предшествующего ему факта Р; говорящий эмоционально относится к факту F⁷.

В этом случае мы имеем так называемый "драматический императив" [Широкова 1983: 101; Грабье 1983: 108]. Второй факт, неожиданный (и, как правило, нежелательный) плохо согласуется с первым; тем не менее, он имеет место, и эта несовместимость создает смысл неожиданности второго факта на фоне первого. Неожиданность факта выражается эмоционально нагруженной побудительной формой глагола. Связь с инвариантом обеспечивается здесь только "тривиальным" для императива компонентом 'экспрессивность' (≈ 'эмоциональность'); следов 'побуждения' здесь не видно.

К данному случаю примыкает родственное маргинальное употребление императивной формы несовершенного вида в сопровождении частицы *знай* и/или возвратного местоимения *себе*, а также союза *а*:

(И8а) *Вокруг все хохочут, а он знай ползи (он себе ползи, он знай себе ползи).*

В [РГ2 1980: 115] отмечаются следующие маргинальные случаи "переносных значений, в которых побудительность оказывается ослабленной": (i) похожие на случай (И8а) "встречающиеся в художественной речи употребления формы побудит. накл. для обозначения совершающегося одновременно с чем-н. и независимого действия (...)" (дается пример из Твардовского: *А на левом с ходу, с ходу / Подоспевшие полки / Их толкали в воду, в воду, / А вода себе теки...*); (ii) "употребление формы побудит. накл. для оценочного обозначения действия с чем-то связанного или чем-то обусловленного" (пример из Винокурова: *Я скажу тебе откровенно: / Это здорово, так скакать! / Только запах нелегкий пота, – / Голова от него трещи! / Как пирог, что сейчас из пода, / Как густые, с наваром, щи*). Для двух указанных случаев, кроме 'экспрессивности', мы пока не видим никаких других компонентов, связывающих соответствующие употребления императивных форм с инвариантом.

К другим маргинальным непрямым употреблениям императива, с достаточно очевидной побудительной силой, относятся следующие пять случаев:

- Обороты типа *боже сохрани (упаси, избави), сохрани (упаси, избави) бог*, обладающие силой отрицания, запрета или предостережения, которые подаются как побуждение, обращенное к высшему существу.
- Обороты типа *черт возьми, (побери, подери)*; эмоциональная реакция говорящего в таких оборотах подается как побуждение, обращенное к inferнальному существу.
- Императивы *смотри(те), гляди(те), скажи(те), подумай(те)*, выражающие эмоциональную реакцию говорящего (часто вместе с элементом -ка): *Смотри(те)(-ка), какой болван!*; *Подумайте, куда он нас затащил!* Говорящий как бы побуждает адресата присоединиться к своим чувствам¹³.
- Сочетание служебного императивного выражения *поди(те) / попробуй(те)* со знаменательным императивом для выражения "невозможности выполнения действия": *Замок на вид совсем простой, а попробуй открой*. Говорящий как бы предлагает адресату – в форме побуждения – сделать попытку осуществления соответствующего действия, чтобы убедиться в невозможности этого.

¹³ В [РГ1 1980: 624] таким формам дана упрощенная характеристика: они трактуются как утратившие побудительное значение и приравниваются к модальным частицам.

– Императивы так называемого "вольного цитирования" – со значением неприемлемости выполнения говорящим предписанного ему действия: *Говорят, надо тезисы посылать. Ну вот еще, тезисы им посылай.* Предписываемое нежелательное для говорящего действие изображается как побуждение, обращенное к говорящему. Здесь мы имеем случай долженствования, ср. (ИЗ) выше*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995 (1988) – Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Вежбицкая А. 1985 (1972) – Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Грабье В. 1983 – Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Падучева Е.В. 1996 (1992) – Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996 [Ч. I, Гл. 5].
- Перцов Н.В. 1996 – Элемент *ка-* в русском языке: словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика (К 60-летию А.А. Зализняка). М., 1996.
- Перцов Н.В. 1998 – К проблеме инварианта грамматического значения. I (Глагольное время в русском языке) // ВЯ. 1998. № 1.
- РГ1 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- РГ2 1980 – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Храковский В.С., Володин А.П. 1986 – Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Шаронов И.А. 1991 – Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Широкова А.Г. 1983 – Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Якобсон Р.О. 1972 – Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Якобсон Р.О. 1985 (1932) – О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
- Comrie B. 1985 – Tense. London, 1985.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. 1995 – Traitement lexicographique de deux connecteurs textuels du français contemporain. *En fait vs en réalité* // Н. Bat-Zeev Shyldkrot, L. Kupferman (eds). Tendances récentes en linguistique française et générale. Amsterdam/Philadelphia, 1995.
- Mel'čuk I. 1995 – Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст. Москва; Вена, 1995.
- Haiman J. 1985 – Natural syntax: iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Wierzbicka A. 1991 – Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin: New York, 1991.

* Первоначальный вариант текста данной статьи, входивший в объемлющую работу об инвариантах глагольного времени и императива, был прочитан Л.Н. Иорданской, А.Е. Кибриком, А.Д. Кошелевым, И.А. Мельчуком, а также рецензентами редколлегии "Вопросов языкознания"; замечания этих коллег были для меня полезны и важны, и я старался всемерно их использовать при доведении статьи до настоящего вида. Я прошу читателей первоначального варианта этой работы принять мою искреннюю признательность.